

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор; заведующий Центром политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: avesperansky@mail.ru

Сперанский Петр Андреевич, магистрант департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: rasperanskiy@mail.ru

Аннотация. В статье дан концептуально-историографический анализ научных трудов, рассматривающих историю России с позиций теории модернизации. Отмечена многогранность и плюралистичность восприятия отечественными и зарубежными учеными этой методологической парадигмы.

Указывается, что представители западной модернизационной историософии, признавая переход России от традиционного к современному обществу, относят его ко второй волне модернизации, характеризующейся парциальностью и консервативностью преобразований. По их мнению, влияние экзогенного фактора, базирующегося на вестернизации, в значительной мере нивелировалось крепостью эндогенной традиционалистской основы, отторгавшей привнесенные «извне» инновации.

Сделан вывод, что применение российскими исследователями наработок западной историософии привело к созданию двух противоположных интерпретационных моделей осмысления российских модернизаций – «пессимистической» и «оптимистической». Показано, что первая, представляющая российские модернизации как некую антирациональную и неэффективную попытку выйти на уровень передовых европейских обществ, пока преобладает в оценочных суждениях. В то же время вторая, базирующаяся на выводах о том, что даже в условиях «запоздалости» и «вторичности» модернизационные преобразования в России давали положительные результаты, стимулируя становление рыночных отношений, зарождение форм частной собственности, основ гражданского общества и институтов правового государства, набирает силу.

Продолжение модернизационного дискурса позволяет надеяться на дальнейшее осмысление накопленного материала и объективизацию выводов.

Ключевые слова: история, методология, модернизация, теория модернизации, историографический анализ, интерпретационная модель, парадигма, экзогенность, эндогенность.

ВВЕДЕНИЕ

Начиная со второй половины XX в. особый исследовательский интерес стал проявляться в изучении крупномасштабных исторических изменений, составляющих наиболее значительные этапы движения истории человечества. Одним из таких всеобъемлющих исторических процессов, последствия которого определяют развитие всего человеческого социума является модернизация.

Сформировавшаяся на базе этого научного интереса теория модернизации, стала одной из самых авторитетных и признаваемых во всем научном мире исторических маркroteорий, объясняющих ход, развитие, закономерности и особенности исторического процесса в целом и каждого его этапов в частности. Практически за полвека своего существования она прошла качественный путь развития от своей «классической» парадигмы, представляемой в виде довольно пространственных концепций, признающих существование единого глобального модернизационного процесса общечеловеческой модернизации до современных трактовок, базирующихся на многолинейных концепциях, предполагающих позитивный синтез внешних диффузий и внутреннего традиционализма.

На рубеже XVII–XVIII вв. российское государство оказалось вовлечено в процессы глобальных модернизационных изменений, кардинально повлиявших

на развитие всех сфер его жизнедеятельности. Поэтому, вполне естественно, что модернизационный переход в России, растянувшийся на несколько столетий и представлявший собой внедрение экзогенного (внешнего) опыта и аккумуляцию эндогенных (внутренних) инноваций с последующей их инкорпорацией в российскую социальную действительность, привлекал и привлекает самое пристальное внимание многочисленных адептов теории модернизации как зарубежного так и отечественного происхождения.

1. МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ВЗГЛЯД С ЗАПАДА

Большинство адептов модернизационной парадигмы рассматривают процесс перехода человеческой цивилизации от традиционного к современному обществу на интегративной основе, пытаясь осмыслить все стороны этой глобальной эволюции. Пример российской национальной истории всегда находился в поле зрения сторонников модернизационной парадигмы и проблема российских модернизационных преобразований неоднократно поднималась в работах западных исследователей таких как С. Блэк, А. Гершенкрон, Б. Мур, Г. Тернборн и др. [21–24].

Весьма интересными представляются взгляды на российское модернизационное развитие одного из отцов-основателей теории модернизации, представителя школы «классической модернизации» –

известного американского историка и социолога С. Блэка. В своем фундаментальном труде «Динамика модернизации: сравнительное исследование истории» [21] он выделил основные критерии модернизационного перехода, определяющие специфику участвующих в нем стран: длительность модернизационного перехода; соотношение эндогенных и экзогенных переменных; линейность или парциальность характера модернизации. Применяя указанные критерии к конкретным историческим примерам модернизационного развития различных обществ, Блэк и его последователи выделили «семь типов политической модернизации». От стран ранней самостоятельной стабильной и непрерывной модернизации, к коим были отнесены Англия и Франция до обществ, ореол обитания которых локализован к югу от Сахары. Причем отличительной чертой последних, как считает американский ученый, является крайне низкий уровень цивилизационного развития и отсутствие прочного культурного базиса, что априори определило исключительное влияние экзогенного фактора на их развитие.

Россия, наряду с такими «периферийными» социумами как японский, китайский, турецкий и иранский, была отнесена Блэком к пятому типу модернизационного перехода. По мнению ученого, она, вместе с перечисленными выше странами, никогда не входила в когорту лидеров модернизационного процесса, но смогла сохранить свой политический суверенитет, базируясь на основе эффективного функционирования традиционалистских правительств, опиравшихся на длительный опыт бюрократического, централизованного управления и относительную стабильность территориально-демографического фактора. Модернизация в России базировалась в основном на эндогенной основе и проходила под эгидой национальных традиционалистских элит. С точки зрения американского исследователя, это обуславливало невысокие темпы модернизационного процесса в нашей стране, протекавшего под большим влиянием западных цивилизаций [11; 17].

Интересный подход к проблемам российских модернизаций можно увидеть в труде американского исследователя А. Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе». В данной работе он создает собственную типологию модернизирующихся обществ и выделяет три основных эшелона развития мирового капитализма. К первому эшелону он относит наиболее развитые страны Западной Европы и Северной Америки, а Россия, вместе со странами Восточной Европы, Турцией и Японией, с точки зрения исследователя, составляют лишь второй эшелон капиталистического развития. Ученый уверен, что в связи с рядом исторических особенностей, данные страны оказались в роли отстающих и вынуждены были форсированными темпами догонять ушедших вперед лидеров. В экономических отношениях стран второго модернизационного типа огромная роль, по мнению Гершенкрона, принадлежала государству. Рыночная же экономика получила в них развитие только благодаря экзогенному воздействию стран западной цивилизации, занимавших ведущее положение в мире [22].

Также А. Гершенкрон делает интересное предположение о возможности замещения в странах второго

эшелона недостающих предпосылок модернизации искусственными заменителями. В частности, объясняя индустриальный рост, имевший место в ряде «периферийных» стран, в условиях незавершенности преобразований аграрного сектора и при нехватке протоиндустриальных накоплений, ученый указывает на значительную роль «субинститутов», заменявших недостающие звенья модернизационной цепи. По мнению Гершенкрона, в России основным заменителем недостающих предпосылок индустриального развития стало государство, являвшееся главным и ведущим актором российских модернизаций [12: 206, 207].

Другой американский исследователь – Б. Мур в работе «Социальные истоки диктатуры и демократии», анализируя модернизационные трансформации, проходившие в разных странах, акцентирует особое внимание на лидерстве конкретных социальных страт в процессе модернизации и формировании ими альянсов для успешного модернизирования того или иного общества. Основополагающим элементом его теории представляется выявление сотрудничества или противоборства между различными социальными группами, которое проявляется в ходе модернизационных преобразований. По мнению ученого, социальный статус сотрудничающих групп и степень их взаимодействия во многом определяют характер модернизационного развития. В качестве основных акторов, играющих основополагающую роль в процессе модернизации, Б. Мур выделяет вступающих между собой в различные коллаборации буржуазию, крестьянство, дворянство и монарха.

Стоит отметить, что концепция Б. Мура в корне отличается от научных построений многих его коллег, отмечающих исключительно «верхушечный» характер российских преобразований и считающих российские модернизации только продуктом деятельности государственных элит. Исследователь приходит к выводу, что траектория перехода России от традиционного уклада к современному была задана лидирующей ролью ее самой многочисленной социальной страты – крестьянством, являвшимся основной движущей силой модернизации [23; 12: 203].

Определенный интерес для понимания сути модернизационных преобразований в России представляют исследования шведского ученого Г. Терборна. Выделяя четыре «двери» или «пути в/через модернизацию», он отмечает, что импульс к началу модернизационных изменений может иметь только две природы – эндогенную и экзогенную. По его мнению, Россия прошла путь через модернизацию, навязанную извне. Являясь по своему характеру запоздалой и догоняющей, она проходила стадии своего развития исключительно под влиянием стран Запада, относительно вестернизируясь. То есть Терборн, как и большинство западных адептов модернизационной теории, высказывается за экзогенную природу трансформаций, которые претерпевала Россия на протяжении XVIII–XX вв. [24: 5–7; 12: 209].

Таким образом, по разному понимая сущность российского модернизационного движения, его периодизацию, значение и перспективы, представители западной модернизационной историософии, признают дуацикличность исторического процесса происходившего в России и совершение в нашей стране перехода

от традиционного к современному обществу. Россия относится зарубежными исследователями к вторичным волнам модернизации, для которых характерны определенные специфические черты, такие как: большое влияние экзогенного фактора и одновременное протекание процессов модернизации и вестернизации, крепость эндогенной традиционалистской основы, отторгавшей привнесенные «извне» инновации, парциальный характер модернизационного процесса, а также «консервативный» или «охранительный» тип российских модернизационных преобразований.

Подобная модернизационная «консервативность» заключалась, по мнению западных ученых, в том, что модернизационные процессы, проходившие еще в условиях имперского строя, практически не затронули аграрный сектор и 4/5 населения страны продолжало жить в условиях патриархального социокультурного уклада и традиционализма. Элита традиционного общества, представленная в России дворянским сословием, сохранила все свои привилегии и более того, именно она возглавила модернизационный переход, объективно отстаивая в нем свои интересы, что шло вразрез с европейской модернизационной практикой. Подобные явления наблюдались и в других традиционалистских странах, относимых ко вторичным этапам модернизации, будь то Япония, Китай, Иран или Турция [19].

По мнению западных исследователей, важнейшим модернизационным импульсом России в имперский период ее развития стали петровские преобразования и «Великие реформы» второй трети XIX в. Проведенные «сверху», они на некоторое время сохранили, укоренившиеся за несколько веков, ведущие позиции российской традиционалистской элиты в процессе новых социальных трансформаций. Однако в 1917 г. Россия пережила переломный момент, определивший ход ее дальнейшего исторического развития. Традиционная элита вместе с рухнувшим самодержавием, не выдержав революционного напора, уступила свое место в авангарде продолжающейся модернизации большевистскому режиму [Там же].

2. ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Российские историки обратились к теории модернизации гораздо позже, чем это сделали их западные коллеги. В отечественной науке модернизационная парадигма стала активно применяться в качестве инструмента познания лишь с начала 1990-х гг. Несомненно, основные положения данной исторической макротематики были известны отечественным ученым и раньше, но в силу идеологических и политических причин они могли рассматриваться лишь как объект критики со стороны официальной историко-материалистической парадигмы. И только после утраты марксизмом-ленинизмом лидирующих позиций в поле исторической теории и методологии, модернизационная парадигма стала применяться в качестве нового методологического инструмента познания исторической реальности [18: 64].

Мощным толчком к развитию модернизационных представлений о российской национальной истории

стала публикация в 1993 г. в журнале «Вопросы философии» материалов круглого стола «Российская модернизация: проблемы и перспективы» [14]. Дискуссия, положившая начало российскому модернизационному дискурсу, ярко продемонстрировала особенности освоения модернизационной концепции российскими историками, социологами и философами. Стоит отметить, что практически всеми участниками диспута выдвигались теоретико-методологические конструкции, которые во многом были отражением определенных идейно-политических течений, чаще всего, антикоммунистических. Однако в итоге дискуссии отечественными интеллектуалами все же был признан главный тезис теории модернизации, используемый историками-модернизационщиками по всему миру: дуцикличность исторического процесса, заключающаяся в переходе абсолютно любого общества на определенной стадии его развития от аграрной стадии к индустриальной.

Отметим также, что в ходе дискуссии были выделены и особенные черты, отличающие отечественный модернизационный процесс от западного:

- ведущая роль экзогенных факторов;
- догоняющий и форсированный тип российских модернизаций;
- крепость традиционалистской основы, вступающей в ходе модернизации в конфликт с инновациями, принесенными «извне»;
- парциальный характер российского модернизационного процесса [18].

В целом, данные положения полностью соотносились с идеями, высказанными ранее представителями западной школы модернизации и особой научной новизны не несли.

Идейный плюрализм, возникший в России в начале 90-х гг. XX в., позволил теории модернизации стать определенной альтернативой еще недавно повсеместно господствующей марксистской методологии. Однако на первых парах модернизационная парадигма в трудах отечественных обществоведов представлялась, как некая составляющая цивилизационного подхода, не имеющая самостоятельного значения. Дискурс, начатый в сфере российской гуманитарной науки в 1993 г. вывел концепцию модернизации из области синкретического смешения с цивилизационным подходом и открыл ей двери самобытного развития в поле российской исторической теории и методологии.

Однако акцентирование большинством российских адептов данной концепции специфических черт российской модернизации, признание России традиционалистской страной, мало поддающейся вестернизации, сохранила в ней некоторые цивилизационные мотивы, обусловив тем самым определенную «пограничность» с цивилизационным подходом. Так основные цивилизационные особенности российских модернизаций были довольно ярко сформированы представителем так называемой пессимистической интерпретационной модификации теории модернизации А.С. Ахиезером в работе «Россия: критика исторического опыта». По мнению автора, Россия является «промежуточной», развивающейся преимущественно пульсационными рывками цивилизацией, оказавшейся в подвешенном состоянии между либерально-

демократическим миром запада и теократически-деспотическим востоком.

Точка зрения ученого относительно российских модернизационных преобразований сводится к тому, что абсолютно все «особенности» развития российского исторического процесса являются сугубо отрицательными и губительными для России моментами, постоянно тормозящими ее развитие в западном направлении. Согласно Ахиезеру, модернизация, проходившая в России, имеет приставку «псевдо», и является некой субоптимальной попыткой властей направить Россию по западному вектору развития, что обернулось в итоге вступлением страны на ложный исторический путь. Ахиезер доказывает, что подобная «псевдомодернизация» в первую очередь объясняется тем, что России присущи черты расколотой цивилизации: традиционалистские элиты хотели проведения модернизационных преобразований, видя в них только лишь средства достижения дефицитных благ для самих себя, а народные массы в противовес этому отторгли любые западные новации, видя в них угрозу для привычного уклада и образа жизни [3].

Большой исследовательский интерес вызывает и теория так называемой «имперской модернизации», выдвинутая в 1990-е гг. В.Г. Хоросом в монографии «Русская история в сравнительном освещении». Согласно данной концепции, модернизационные процессы, начавшиеся в России с рубежа XVII–XVIII вв. изначально обуславливались широкой диффузией западных инноваций и трансфером европейских культурных ценностей. Однако, несмотря на значительное влияние экзогенных факторов на российские модернизации, не менее крепка была и национальная традиционалистская эндогенная основа, несущая в себе, по мнению автора, лишь негативный и тормозящий инновационное развитие элемент. Катастрофичность российских модернизаций выразилась в укреплении бюрократической вертикали центральной власти, усилением крепостного гнета, понижением уровня жизни большинства населения и упрочнением немодерных черт российского общества. Модернизаторское реформирование, осуществляемое исключительно методом «сверху» под полным контролем правящих элит, а также социокультурная неоднородность российского общества не способствовали утверждению в России таких важнейших столпов модернизации как частная собственность, гражданское общество и правовое государство, что позволило Хоросу сделать вывод о том, что Россия проводила «запоздалую» модернизацию, быстро и насильственно разрушавшую старое, но и не утверждавшую новых социальных структур и институтов [20].

Продолжается развитие пессимистической интерпретации в рамках российского модернизационного дискурса и в научной концепции С.Я. Матвеевой. Наряду с «классическими» негативными особенностями отечественной модернизации, такими как ее «догоняющий» характер, социокультурный раскол и отторжение вестернизационных веяний, автор обращает внимание на то, что если на Западе главным актором модернизационного процесса было третье сословие, то в России «двигателем прогресса» был чиновник. Подобная уникальность российской модели модернизации

обременяла все модернизационные трансформации гипертрофированной ролью бюрократии. Более того, как утверждает Матвеева, постоянно бросаясь «вдогонку за Западом», наша страна беспорядочно металась по ступеням модернизационного развития от одного этапа к другому, оставляя при этом огромное количество не решенных проблем, что несомненно было фактором, значительно тормозившим развитие страны [14].

Активно синтезирует теоретические наработки своих предшественников, разработавших концепции контр- и псевдомодернизации В.А. Красильщиков. В монографии «Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций» он стремится показать особенности российской модернизационной модели развития на фоне глобального всемирного процесса перехода от традиции к модерну. Как и многие другие российские исследователи, автор акцентирует внимание на отрицательные черты российского варианта модернизации, такие как экзогенность, непоследовательность, поверхностность и бюрократичность, а также подчеркивает негативное влияние фактора социокультурной расколотости российской цивилизации. Исследователь считает, что все подобные неотъемлемые черты российского модернизационного процесса несут в себе исключительно отрицательные коннотации, что значительно снижает его эффективность. По мнению Красильщикова, противоречивая российская модернизация «стремится в будущее, пытаясь остаться в прошлом и уйти от настоящего» [6].

Пессимистическая оценка российских модернизаций достаточно явственно прослеживается в рассуждениях Н.Ф. Наумовой. В своем исследовании «Рецидивирующая модернизация в России: вина, беда или ресурс человечества?», написанном в рамках социологии истории, она обращает внимание на то, каким образом процессы «запаздывающих» и «рецидивирующих» российских модернизаций влияют на российское общество. По мнению автора, серии непоследовательных и неудачных российских модернизаций несли за собой тяжелые социальные последствия и негативно влияли на развитие социума. Высокая социальная цена модернизации, согласно Наумовой, объясняется тем, что «большой скачок», который был призван преодолеть запоздание от стран Запада, осуществлялся в России исключительно путем «шоковой терапии», что вело к целой совокупности проблем, главной из которых стали радикальные антимодернизационные настроения российского общества [9].

Определенный негатив в результатах российских модернизаций видит и О.Н. Мухин. Рассматривая в своих трудах феномен российского модернизационного развития он отмечает, что процессы модернизации в России XVIII–XX вв. носили догоняющий и неорганический характер. Российская модернизация, с точки зрения исследователя, носила частичный характер и в ее ходе не были реализованы три основополагающих компонента базовой модели модернизации – индустриализация, демократизация, рационализация. Более того, автор уверен, что после 1917 г. Россия свернула с общемирового пути модернизационного развития и встала на альтернативный путь контрмодернизации [8].

Н.А. Проскурякова, характеризуя особенности российских имперских модернизаций, главное внимание тоже акцентирует на их отставании от европейского модернизационного «ядра». По ее мнению, все они проходили в сжатые сроки, а их единственным и главным инициатором была власть предрержащая элита. Как считает ученый, огромное значение имела слабая развитость социокультурных предпосылок, что негативным образом сказывалось на эффективности российских модернизаций [13].

Рассматривая роль элит в модернизации стран «незападного» мира, к коим относится и Россия, Л.Б. Алаев, отходя от концепта его предшественников, о том, что российские национальные элиты проводили модернизационные преобразования исключительно в целях личного обогащения, отмечает, что правящие круги были непосредственно заинтересованы в проведении модернизации для развития своих стран. Однако общественные институты и структуры, а также коллективная традиционалистская ментальность большей части населения оказывались в антагонистическом противостоянии задач модернизации, что заметно тормозило процесс российских модернизаций и придавало ему некоторые отрицательные черты [1: 32–33].

К разновидности пессимистической интерпретации модернизационной точки зрения на русскую историю можно отнести и теорию известного российского правоведа А.В. Оболонского. Представляя в своем труде Россию в качестве обособленной и самобытной цивилизации, исследователь выделяет две основные тенденции, являющиеся основой ее исторического прогресса: определенный системоецентризм, предполагающий супрематия государства в общественной эволюции, и персоноцентризм, основывающийся на примате личности. Данные тенденции, с точки зрения автора, в российской национальной истории всегда были склонны к сближению, что приводило к определенным перегибам в сторону гипертрофизации роли личности и государства в российской истории [10].

С нашей точки зрения концепции, созданные в рамках теоретических построений пессимистической интерпретационной модели российских модернизаций представляются односторонними и не в полной мере отражающими историческую действительность. Представление о российской модернизации как о некой антирациональной попытке выйти на путь развития передовых европейских обществ и сведение ее до уровня абсолютно неэффективной контрмодернизации не соответствуют исторической действительности. Даже в условиях «запоздалости» и «вторичности» модернизационного процесса, а также его догоняющего характера нельзя отрицать тот факт, что все проводимые в России модернизационные преобразования во многом давали положительные результаты. Несмотря на некоторые негативные явления, ставшие закономерными последствиями модернизации, данный процесс стимулировал развитие капиталистических и рыночных отношений в имперской России. Он позитивно влиял на зарождение в недрах российского социума форм частной собственности, основ гражданского общества и институтов правового государства.

3. ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Ко второй половине 90-х гг. XX – началу XXI в. российские историки-модернизационщики достаточно глубоко изучили воззрения своих западных коллег и выработали свой собственный методологический инструментарий, что во многом усилило позиции теории модернизации в поле методологии истории России. В последнее время мы можем наблюдать заметное увеличение числа теоретико-методологических трудов, касающихся как общих вопросов российского модернизационного развития, так и отдельных аспектов перехода от традиции к модерну. Вместе с этим, российские адепты теории модернизации проделали схожий со своими западными визави эволюционный путь в понимании сущности модернизационных процессов и наряду с классическим пониманием двух возможных векторов модернизационного перехода, сегодня в российской науке активно разрабатываются и теоретико-методологические основы так называемой неомодернизационной модели социальных трансформаций, основывающейся на многолинейном понимании процесса модернизации.

В настоящее время среди российских исследователей наблюдается постепенный отказ от довольно одностороннего пессимистического измерения модернизационного процесса в пользу равного признания как негативных, так и позитивных последствий российских модернизаций. Подобными исследовательскими установками отличается работа Л.И. Семенниковой «Россия в мировом сообществе цивилизаций», написанная на синтезе модернизационного и цивилизационного подходов. Выдвигая смыслообразующую гипотезу о цивилизационной неоднородности российского социума, исследователь, также как и многие ее коллеги отмечает противоречивость и непоследовательность пяти, прошедших в России модернизаций: «петровской», «александровской», «стольпинской», «сталинской», и «ельцинской». По мнению Семенниковой, для всех этих пяти попыток модернизационного реформирования было характерно гипертрофированное значение личностного фактора, но с каждой новой попыткой его эффективность и положительное влияние лишь увеличивалось. Среди всех проходивших в России модернизаций, по мнению автора, наиболее последовательным, комплексным и эффективным был советский вариант модернизационного развития [15: 137].

Подобную двоякость российского модернизационного процесса отмечает и С.Н. Гавров в монографии «Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России». Общий процесс российских модернизационных изменений ученый рассматривает как чередование моделей имперской и либеральной модернизации при общем магистральном и доминирующем имперском консервативном охранительном варианте, главенство которого оставляет за либеральной модернизацией лишь дополнительную компенсаторную роль. Исследователь отмечает, что главная проблема российских модернизаций заключается в том, что они способствуют не столько реальному переходу России от традиционного к современному состоянию, сколько укреплению

феодално-имперских социокультурных основ российской цивилизационной системы, что выражается в идее перманентного служения общества имперской идее [4].

Окончательное утверждение оптимистической интерпретационной модификации теории модернизации наиболее тесным образом связано с Б.Н. Мироновым. Его трактовка российских модернизаций заключается в представлении истории России в виде повторения исторического развития западного мира. Миронов считает, что Россия, имея исключительно «европейское происхождение» с несущественным опозданием движется по пути, уже пройденном Западной Европой и Северной Америкой. Российские модернизации, по мнению историка, протекали весьма органично и не имели никаких исключительных и специфических особенностей. Более того, Б.Н. Миронов делает оригинальное предположение о том, что желание России синхронизироваться с темпами западного развития иногда становилось главной причиной проведения властями опережающих свое время реформ, которые, в условиях существования сильных общественных традиционалистских связей, не могли принести должного результата. Это обстоятельство вызвало объективное отторжение западных новаций и, по мнению автора, к 1917 г. модернизация в России была еще не завершена.

Однако, несмотря на то, что основообразующим тезисом концепции Миронова является идея европейского вектора генезиса и развития основ российской государственности, быта и менталитета в ней также выделяется и важный фактор национальной специфики России, заключающейся в природно-климатических и этно-конфессиональных особенностях российской цивилизации. В России, по мнению Б.Н. Миронова, модернизаторским интенциям во многом противостоит социокультурный раскол российского общества, а также слабая секуляризация массового сознания [7].

Следует отметить, что концепция Б.Н. Миронова встречает довольно резкую критику со стороны оппонентов. В частности, В.В. Согрин в статье «Клиотерапия и историческая реальность: тест на современность» отмечает, что между Россией и ведущими западными странами существует значительно больше отличий, чем указывает в своем труде Миронов. По мнению критика, эти отличия уходят корнями, в более далекие эпохи, чем определенный Мироновым XVIII в. Согрин, демонстрируя явно пессимистический взгляд в отношении успехов российских модернизаций, указывает, что истоки западной цивилизации имеют базис в виде античной традиции, в то время как российская цивилизация изначально имела только лишь византийско-ордынский фундамент, что в дальнейшем негативно сказалось на развитии всех сторон жизни российского общества [16].

В противовес пессимистически оценивающим результаты российских модернизаций исследователям, довольно оптимистический и оригинальный подход продемонстрировал, на наш взгляд, В.В. Керов. В монографии «Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России» он провел концептуализацию проблем старообрядческого общества и его хозяйственной деятельности, встроив их в макроисторическую модель

модернизационного развития России. Характеризуя деятельность русских предпринимателей-старообрядцев в период XVII–XIX вв., автор подчеркнул важность социокультурного фактора в развитии модернизационного процесса. Теоретический базис концепции Керова строится на известном в социологии религии еще со времен М. Вебера положении о том, что в начальный период модернизации, в обществе происходят неизбежные изменения, связанные с неким духовно-религиозным обновлением. Формирование типа личности Нового времени происходит на основе трансформации религиозно-этических ценностей и выработке особого духа, «духа предпринимательства», что способствует быстрому генезису капитализма. По мнению В.В. Керова, в российской истории проводниками капитализма, подобно протестантам на Западе, были старообрядцы, обладающие, как и их западноевропейские визави, особой духовно-религиозной этикой и духом капитализма [5].

Особое место в историографическом осмыслении концептуально-методологических идей отечественных ученых-модернизационщиков занимает «уральская модернизационная школа», активно работающая под руководством академика В.В. Алексеева. Ее представители занимаются разработкой конкретно-проблемной методологии изучения особенностей российских модернизаций, основываясь на теоретических положениях концепции диффузионизма (культурного трансфера) и неомодернизационного анализа.

Наиболее яркими представителями данной исследовательской парадигмы являются Е.В. Алексеева и И.В. Побережников. Так в своих исследованиях Е.В. Алексеева доказывает, что изменения российской цивилизации, происходившие под непосредственным воздействием со стороны высокоразвитых стран Западной Европы были, ярким примером процесса распространения и эффективного синтеза различного рода инноваций из так называемых «очагов» модернизации с традиционной культурой менее развитой «периферии» [2].

Научная концепция И.В. Побережникова, трактует российские модернизационные трансформации как многомерный и многолинейный процесс не сводящийся только к процессам вестернизации. По мнению ученого, российское государство, базируясь на традиционалистской основе, проводило модернизацию, используя с разной степенью эффективности как экзогенную диффузию, так и эндогенные новации, в чем проявлялось непосредственное цивилизационное своеобразие российских модернизаций [11].

ВЫВОДЫ

Подводя итоги концептуально-историографическому обзору применения положений теории модернизации в процессе изучения истории России, следует отметить многогранность и плюралистичность восприятия отечественными учеными этой методологической парадигмы. Активное применение российскими исследователями наработок западной модернизационной историософии привело к созданию двух основных интерпретационных моделей теории модернизации – «пессимистической» и «оптимистической», а также

дало импульс к развитию неомодернизационного анализа, особенно успешно применяемого «уральской школой модернизации». В рамках вышеуказанных интерпретационных моделей, исследователями было создано несколько оригинальных, но довольно неоднозначных и противоречивых толкований российских модернизаций, таких как «псевдомодернизация», «имперская», «догоняющая», «запоздавшая», «вторичная» модернизация, «постмодернизационная» модель и тому подобное.

Отметим также, что большинство проанализированных нами концепций весьма подробно рассматривают различные аспекты модернизационных преобразований и представляют достаточно конструктивный анализ модернизационных процессов, протекавших в России. Однако модернизационный дискурс продолжает существовать в поле зарубежной и отечественной исторической методологии и по сей день, а имевшие место в поле исторической науки дискуссии так и не пришли к какому-либо единому знаменателю. Это дает возможность современным исследователям продолжить работу по изучению обозначенных проблем, провести более скрупулезный анализ накопленного материала, осуществить всестороннюю историческую реконструкцию российских модернизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Л.Б. Модернизация или «опора на собственные слабости»? // *Цивилизации*. Вып. 10. С. 31–51.
2. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVII – начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 368 с.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1991. 804 с.
4. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
5. Керов В.В. Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-информ, 2004. 654 с.
6. Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 264 с.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
8. Мухин О.Н. «Больше модернов, хороших и разных?»: специфика модернизации в незападных обществах (проблемы теории) // *Цивилизации*. 2015. Вып. 10. С. 16–30.
9. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: вина, беда или ресурс человечества? М.: Едиториал УРСС, 1999. 174 с.
10. Облонский А.В. Драма политической истории: система против личности. М.: Ин-т государства и права, 1994. 352 с.
11. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) 2006. 240 с.
12. Побережников И.В. Парадигма модернизации в историческом исследовании // *Урал в модернизационной динамике XX века*. Екатеринбург, 2015. С. 197–214.
13. Проскуракова Н.А. Власть и реформы в России в XIX веке в контексте модернизационного подхода // *Проблемы методологии отечественной истории и культурологии: Материалы конф. «Научное мировоззрение и перспективы его развития»*. М., 2009. С. 2–16.
14. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 3–39.
15. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 2000. 539 с.
16. Согрин В.В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на современность // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 144–160.
17. Сперанский А.В. Российская модернизация в контексте противоречий общества и власти: историографический аспект // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение*. Екатеринбург, 2009. С. 309–317.
18. Сперанский А.В. Россия и модернизация: историософский аспект проблемы // *Урал индустриальный: Бакунинские чтения*. Екатеринбург, 2011. С. 58–70.
19. Сперанский А.В. Модернизация в России: перекресток мнений // *Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв.* Екатеринбург, 2012. С. 27–39.
20. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М.: Аспект-Пресс, 1996. 176 с.
21. Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper Colophon Books, 1975. 352 p.
22. Gerchenkron A. *Economic Backwardness in historical Perspective*. Cambridge, 1962. 456 p.
23. Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, 1966. 559 p.
24. Therborn G. *European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000*. London: New Delhi, 1995. 497 p.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Герасимов Григорий Иванович, доктор исторических наук, доцент; научный консультант Тульского государственного музея оружия (специальность 07.00.02)

РЕЦЕНЗИЯ

на статью доктора исторических наук, профессора А.В. Сперанского и магистранта П.А. Сперанского «Модернизационная парадигма в изучении истории России: проблемы и дискуссии»

В статье дан квалифицированный историографический и методологический анализ современных научных публикаций, освещающих российскую историю на основе модернизационных представлений о развитии мирового исторического процесса. Авторы подробно и содержательно представили различные точки зрения представителей модернизационной парадигмы, убедительно доказав наличие в современной историографии двух противоположных интерпретационных моделей в осмыслении модернизационных преобразований, имевших место в России на протяжении нескольких столетий.

Следует согласиться с авторской точкой зрения о том, что пессимистическая модель осмысления российских модернизаций, представленная большинством современных отечественных исследователей, в большей степени подвержена влиянию историософской мысли западных адептов теории модернизации, относящих Россию к вторичным волнам модернизации, характеризующихся преобладанием экзогенного фактора и консервативным противодействием традиционалистской основы российского социума прогрессивной вестернизации.

В тоже время импонирует авторский вывод об односторонности интерпретаций российских модернизаций, созданных в рамках теоретических построений пессимистического осмысления и «не в полной мере отражающих историческую действительность». В противовес преобладающей пока версии о неэффективности модернизационных преобразований в России, сводящихся в конечном итоге до уровня контрмодернизации, в статье проанализирован и целый ряд исследований, отражающих оптимистический взгляд на рассматриваемые процессы, отмечающих их положительные результаты как закономерные последствия модернизации.

Отметим, что большинство концепций, проанализированных авторами, несмотря на свою оригинальность, нуждаются в дальнейшей разработке, что соответствует основному авторскому выводу о необходимости продолжения модернизационного дискурса с целью всесторонней и объективной реконструкции позитивных и негативных трансформаций, определявших развитие российского социума.

Статья в полной мере соответствует всем критериям научных публикаций и рекомендуется к публикации в журнале «История и современное мировоззрение».

Доктор исторических наук, профессор;
профессор кафедры истории и философии
Уральского государственного экономического университета
А.В. Трофимов
(специальность 07.00.09)

MODERNIZATION PARADIGM IN STUDYING THE HISTORY OF RUSSIA: PROBLEMS AND DISCUSSIONS

Speransky Andrey Vladimirovich, doctor of Sciences (History), professor; head of Department of Political and Socio-Cultural History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS. Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: avspersky@mail.ru

Speransky Petr Andreevich, undergraduate, Historical Department of the Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: pasperanskiy@mail.ru

Abstract. The paper gives a conceptual historiographical analysis of research works examining the history of Russia from a standpoint of theory of modernization. The paper notes diversity and plurality of perception of this methodological paradigm by domestic and foreign researchers.

The paper indicates that representatives of Western modernization historiography, recognizing transition of Russia from traditional to modern society, attribute it to the second wave of modernization, characterized by partial and conservative transformations. In their opinion, the influence of exogenous factor based on Westernization was largely neutralized by the strength of endogenous traditionalist foundation, which rejected innovations introduced from the outside.

The paper concludes that use of Western historiography by Russian researchers has led to the creation of two opposite interpretive models of understanding Russian modernization – “pessimistic” and “optimistic”. The paper shows that the first one representing Russian modernization as a kind of anti-rational and ineffective attempt to reach the level of advanced European societies still prevails in value judgments. At the same time, the second one is gaining strength. The latter based on the conclusions that even under the conditions of “lateness” and “secondariness” modernization transformations in Russia led to positive results, stimulating development of market relations, formation of different kinds of private property, establishment of foundations of civil society as well as institutions of the state of law.

Continuation of modernization discourse allows us to hope for further rethinking of accumulated historical material and for unbiased conclusions.

Key words: history, methodology, modernization, modernization theory, historiographical analysis, interpretation model, paradigm, exogeneity, endogeneity.

LIST OF REFERENCES

1. Alaev L.B. Modernization or “relying on one’s own weaknesses”? *Civilizations*. Vol. 10. P. 31–51.
2. Alekseeva E.V. Diffusion of European innovations in Russia (XVII – beginning of XX century). M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. 368 p.
3. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience. Vol. 1. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1991. 804 p.
4. Gavrov S.N. Modernization in the name of the empire. Socio-cultural aspects of modernization processes in Russia. M.: URSS editorial, 2004. 352 p.
5. Kerov V.V. This man and his work ... Confessional and ethical factors of Old Believer entrepreneurship in Russia. M.: Econ-inform, 2004. 654 p.
6. Krasilshchikov V.A. Following the past century. The development of Russia in the XX century in terms of global modernization. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1998. 264 p.
7. Mironov B.N. The social history of Russia during the empire (XVIII – early XX centuries). The genesis of personality, democratic family, civil society and the state of law. In 2 vol. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999.
8. Mukhin O.N. “More modern, good and different?”: The specifics of modernization in non-Western societies (problems of theory). *Civilizations*. 2015. Is. 10. P. 16–30.
9. Naumova N.F. Recurrent modernization in Russia: guilt, misfortune or resource for humanity? M.: Editorial URSS, 1999. 174 p.
10. Oblonsky A.V. The drama of political history: system vs. person. M.: Institute of State and Law, 1994. 352 p.
11. Poberezhnikov I.V. Transit on from traditional to industrial society. Theoretical and methodological problems of modernization. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2006. 240 p.
12. Poberezhnikov I.V. The paradigm of modernization in historical research // *Urals in the modernization dynamics of the twentieth century*. Yekaterinburg, 2015. P. 197–214.
13. Proskuryakova N.A. Power and reforms in Russia in the XIX century in the context of the modernization approach // *Problems of methodology of Russian history and cultural studies: conference proceedings “The scientific worldview and the prospects for its development”*. M., 2009. P. 2–16.
14. Russian modernization: problems and prospects (materials of the round table). *Questions of Philosophy*. 1993. № 7. P. 3–39.
15. Semennikova L.I. Russia in the global community of civilizations. Bryansk: Italic, 2000. 539 p.
16. Sogrin V.V. Cliotherapy and historical reality: a test for modernity. *Social sciences and modernity*. 2002. № 1. P. 144–160.
17. Speransky A.V. Russian modernization in the context of the contradictions of society and power: the historiographic aspect // *The civilization originality of Russian modernizations: regional dimension*. Yekaterinburg, 2009. P. 309–317.
18. Speransky A.V. Russia and modernization: The historiosophical aspect of the problem // *Industrial Urals. Bakunin readings*. Yekaterinburg, 2011. Pp. 58–70.
19. Speransky A.V. Modernization in Russia: a crossroads of opinions // *Modernization in the development of the eastern regions of Russia in the XVIII–XX centuries*. Yekaterinburg, 2012. P. 27–39.
20. Khoros V.G. Russian history in comparative coverage. M.: Aspect-Press, 1996. 176 p.
21. Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper Colophon Books, 1975. 352 p.
22. Gerchenkron A. *Economic Backwardness in historical Perspective*. Cambridge, 1962. 456 p.
23. Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, 1966. 559 p.
24. Therborn G. *European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000*. London: New Delhi, 1995. 497 p.